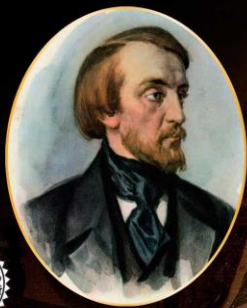

Виссарион Белинский

Русская
литература
в 1845 году

«Русская литература в 1845 году» — произведение известнейшего литературного критика Виссариона Белинского. Белинский известен новаторскими взглядами на цель и функции художественного слова. Виссарион Белинский вошел в историю мирового литературоведения как талантливый ученый, который обосновал теорию реализма, выступая за максимальную приближенность литературы к действительности.

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская литература в 1845 году

Тихо и незаметно еще канул год в вечность, канул как капля — в море! И никто не пожалел о покойнике, никто не проводил его ласковым словом, — он был забыт заживо, забыт совершенно: в декабре на него смотрели все как на докучного, засидевшегося гостя, который только мешает радостной встрече с вождленным новым годом. Старый год, в своем последнем месяце, бывает похож на начальника, который подал в отставку, но, за сдачею дел, еще не оставил своего места. Разница только в том, что о старом начальнике всегда жалеют, если не по сознанию, что он был хорош, то по боязни, что новый будет еще хуже; нового же года люди никогда не боятся: напротив, ждут его с нетерпением, как будто в условной цифре заключается талисман их счастья. И все это для того, чтоб изменить ему, когда он состарится, и снова возложить свои надежды на его преемника! Таким образом, неприметно уходит год за годом, — и только разве тогда, как человек почувствует на плечах своих порядочное количество годов, впадает он в невольное раздумье и уже не с такою холодностью провожает старый и не с такою

радостью встречает новый год... Ему в первый раз приходит на ум очень простая истина, что первое января, которым теперь начинается новый год, ничем не лучше первого сентября, которым прежде начинался год; что условные вехи, столбы и станции на бесконечной дороге жизни — в сущности ничего не значат и что для каждого лично всего лучше измерять свое время объемом своей деятельности или хоть своих удач и своего счастья. Ничего не сделать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить в продолжение целого года, — значит потерять год, значит не жить в продолжение целого года. А сколько таких годов теряется у людей! Не делать — не жить; для мертвого это небольшая беда, но не жить живому — ужасно! И между тем так много людей живет не живя, но только собираясь жить! Кто в самом себе не носит источника жизни, то есть источника живой деятельности, кто не надеется на себя, — тот вечно ожидает всего от внешнего и случайного. И вот причина чествования нового года. Новый год дает то, чего не дал прошлый... И вот —

Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;

Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратно;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.¹

Святочные гаданья всегда относятся к новому году; люди убеждены, что только в новом году могут они быть счастливы. О том, достойны ли, способны ли они быть счастливы, им и в голову не приходит. Еще те, которые ждут своего счастья от денег, от материальных выгод, могут быть правы: не удалось в прошлом году — авось удастся в будущем! Притом же люди этого сорта деятельны и крепко держатся пословицы: «На бога надейся, сам не плошай». Но романтические ленивцы, но вечно бездеятельные или глупо деятельные мечтатели думают об этом иначе: небрежно, в сладкой задумчивости, опустив руки в пустые карманы, прогуливаются они по дороге жизни, глядя все вперед, туда, в туманную даль, и думают, что счастье гонится за ними, ищет их и вот — того и гляди — наконец найдет их и бросится в их объятия, чтоб никогда уже не расставаться с ними. «О, что-то сулишь ты мне, таинственный новый

¹ «Евгений Онегин», гл. V, строфа VII.

год!» восклицают они в стихах и в прозе... А о том и не подумают, что они ничего не сделали, чтоб найти очарование и прелесть в жизни; что они перехитрились, перемудрились до того, что сами не знают, чего им надо и чего не надо; что они утратили способность просто чувствовать, просто понимать вещи; что сделались олицетворенным противоречием — *de facto*² живут на земле, а мысляю на облаках; что стали ложны, неестественны, натянуты,

С своей безнравственной душой,
Самолюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С своим озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом...³

В наше время особенно много людей *мечтающих* и *рассуждающих*, о которых, впрочем, не всегда можно сказать, чтоб они были в то же время и *мыслящими* людьми. Не жить, но

² На самом деле. — *Ред.*

³ «Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXII. Белинский цитирует не точно. У Пушкина: «С его безнравственной душой, себялюбивой и сухой», «С его озлобленным умом».

мечтать и рассуждать о жизни — вот в чем заключается их жизнь... Нельзя не подивиться, что юмор современной русской литературы до сих пор не воспользовался этими интересными типами, которых так много теперь в действительности, что ему было бы где разгуляться! Это существа странные, иногда жалкие, иногда достойные участия, но всегда равно любопытные для наблюдения. Их значение у нас очень важно; они явились вследствие внутренней необходимости, как выражение нравственного состояния общества. Еще недавно были они «героями своего времени». Теперь на них мода проходит, но их все еще много, и они еще не скоро переведутся. Притом же они не столько переводятся, сколько изменяются, принимая новые формы. Поэтому они разделяются на множество оттенков, заслуживающих подробного исследования.

Что же это за люди, что за типы? — Это высокие натуры, презирающие толпу: вот общее их определение, довольно полное и верное. Что же касается до оттенков, начнем с первого.

Он слезы лил, добросердечно
Бранил толпу
И проклинал бесчеловечно
Свою судьбу.
Являлся горестным страдальцем,

Писал стишки
И не дерзал коснуться пальцем
Ее руки.⁴

Никакой натуралист так хорошо и полно не составлял истории какого-нибудь *genus* или *species*⁵ животного царства, как хорошо и полно рассказана в этих восьми стихах история человеческой породы, о которой говорим мы. Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропание стишков и идеальное, обожание неземной девы — вот родные признаки этих «романтиков» жизни. Первый разряд их состоит больше из людей чувствующих, нежели умствующих. Их призвание — страдать, и они горды своим призванием. Не спрашивайте их, по чем, отчего они страдают: они презирают страдание, которое можно объяснить какою-нибудь причиною. Они любят страдание для страдания. Им стыдно минуты веселого, беззаботного увлечения, они боятся здоровья, хотят быть бледными, худыми, и ничем так нельзя

⁴ Белинский цитирует III и V строфы юмористического стихотворения И. С. Тургенева «Человек, каких много» («Отечественные записки», 1843, т. XXXI, № 11, отд. I, стр. 191, за подписью Т. Л.).

⁵ Рода или вида. — *Ред.*

встревожить их, как сказав, что они пополнили. Для чего все это? — Для того, что толпа любит есть, пить, веселиться, смеяться, а они, во что бы то ни стало, хотят быть выше толпы. Им приятно уверять себя, что в них клокочут неистовые страсти, что они переполнены чувством, что их юная грудь разбита несчастием, светлые надежды на жизнь давно разлетелись и на долю им осталось одно горькое разочарование. Им непременно нужна душа, которая поняла бы их, но они решительно не знают, что им делать с такою душою, когда им удастся найти ее, потому что их страсти в голове, а не в сердце и счастливая любовь ставит их в тупик. Поэтому они предпочитают любовь непонятую, неразделенную любви счастливой и желают встречи или с жестокою девою или с изменницей... Во всем этом главную роль играет самолюбие, и, однакож, тут есть, или была когда-то, своя хорошая сторона; но мы об этом скажем ниже, а теперь обратимся к другому, высшему разряду «романтиков».

Между этими «романтиками» бывают люди умные, даже очень, хотя и бесплодно умные. Они толкуют не о чувствах и не о себе только: они рассуждают вообще о жизни. Стремление весьма похвальное, когда оно имеет прочную основу, практический характер! Но романтики вообще враги всего практического, которое они с

презрением отдали на долю «толпы», не понимая в своем ослеплении, что всякий гений, всякий великий деятель есть человек практический, хотя бы он действовал даже в сфере отвлеченного мышления. Разлад с действительностью — болезнь этих людей. В дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спешить жить, они, вместо этого, только рассуждают о жизни. Некоторые из них спохватываются, но поздно: именно в то время, когда человек не годится уже ни на что лучшее, как только на то, чтоб рассуждать о жизни, которой он никогда не знал, никогда не изведал. Толпа живет, не мысля, и оттого живет пошло; но мыслить, не живя — разве это лучше? разве это не такая же или даже еще не большая уродливость?..

Но теперь все заговорили о действительности. У всех на языке одна и та же фраза: «Надо делать!» И между тем все-таки никто ничего не делает! Это показывает, что во что бы ни нарядился романтик, он все останется романтиком. Не понимая этого, романтики обеими руками начали хвататься за маски и костюмы, — и вышел пестрый маскарад, где на один вечер так легко быть чем угодно — и турком, и жидом, и рыцарем. Некоторые, говорят, не шутя надели на себя терлик, охабень и шапку мурмолку; более благоразумные довольствуются только тем, что ходят дома в татарской ермолке, татарском халате и желтых сафьянных сапожках —

все же исторический костюм! ⁶ Назвались они «партиями» и думают, что делать значит — рассуждать на приятельских вечерах о том, что только они — удивительные люди и что кто думает не по их, тот бродит во тьме.

Во всем этом видно одно: стремление жить мимо жизни, глубокий внутренний разлад с действительностью. Сперва хотят составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потом уже и жить по этой программе. Удивительно ли, что вся жизнь таких людей проходит в составлении программ? Человек должен сознавать жизнь, и разум должен вести человека по пути жизни — тем и отличается человек от животных бессловесных; но основой жизни должен быть инстинкт, непосредственное чувство. Без них жизнь есть пустое, холодное и, к довершению, преглупое умничанье; так же, как без мыслительности, непосредственное существование есть животное состояние. Любовь к женщине — высокое чувство, но оно тогда только истинно, когда выходит из сердца, а не из головы.

А между тем романтики по преимуществу

⁶ Белинский говорит здесь о славянофильских причудах К. Аксакова, П. Киреевского, А. Хомякова и др., рядившихся в старорусские костюмы.

живут головными, а не сердечными страстями, и потому вся гамма жизни их поется визгливою фистулою. Их презрение к «толпе» так велико, что они не могут понять, каким образом сам гений потому только и велик, что служит толпе, даже борясь с нею. Поэтому они не хотят снизойти до ознакомления себя с толпою, до изучения ее характера, положения, потребностей, нужд. Для обихода целой их жизни достаточно нескольких мыслей, иногда нескольких фраз, вычитанных в книге, поверхностно понятых, невпопад приложенных к действительности. Они смотрят на толпу не как на силу, которая гнется и поддается только от силы гения, а как на стадо, которое может гнать перед собою куда угодно первый умник, если вздумает взяться за это дело. Их любовь и доверенность к теориям (разумеется, преимущественно к своим собственным) так велика, что они скорее решатся не признать существования целого народа, который не подходит под их теорию, нежели отказаться от нее. Им это так легко, а для народа это так не опасно! Пусть тешатся!.. Да ведь этим потехам должен же быть когда-нибудь и конец: сам дон-Кихот опомнился перед смертью... Что ж! когда горький опыт жизни разобьет мечты романтика, — у него не все еще будет отнято: у него останется великолепная мантия страдания вследствие непризнанной

гениальности.

И однакож такие романтики — не случайное явление. Они были необходимым результатом прививного образования нашего общества; их история тесно соединена с историею нашей литературы, с которою также тесно слита и история образования нашего общества.⁷

До начала литературы деды и отцы наши жили просто, без претензий, без хитрости, без мудрования, ели, пили, спали (и как еще ели, пили и спали! нам, их внукам и детям, увы! уже не есть, не пить и не спать так!), женили детей своих (тогда сыновья не могли сами жениться — их женили отцы, так же как теперь они выдают дочерей замуж), умнели лет в сорок, старели лет в семьдесят, умирали лет в девяносто... Без сомнения, это была жизнь весьма простая, но вместе с тем и грубо простая. Ведь простота простоте — рознь, и для общества лучшая простота есть та, которая выработалась из затейливой вычурности, как, например, простота обращения в современной Европе, вышедшая из изысканной хитрости обращения XVIII века. В этом чересчур простом обществе не было жизни, разнообразия,

⁷ Здесь и ниже Белинский сжато излагает свою концепцию истории русской литературы.

потому что личность человека поглощалась этим обществом и каждый должен, обязан был жить, как жили все, а не как указывал ему его разум, его чувство, его наклонности. Реформа Петра Великого потрясла в основании это оцепенелое общество; но она только разбудила, растревожила, взволновала его, и если переменяла, то извне только. Внутреннее изменение общества долженствовало быть дальнейшим результатом этой реформы. Явилась литература, сперва без читателей, без публики, литература громозвучная, торжественная, надутая, школьная, риторическая, педантическая, книжная, без всякого живого отношения к жизни и обществу. В блестящее царствование Екатерины II было положено основание знакомства русского общества с европейским; с этого времени начало сильно распространяться в России знание французского языка, а вместе с ним и изысканная вежливость обращения и сентиментальный характер нравов. Бедный молодой дворянин Карамзин объехал большую часть Европы и своими «Письмами русского путешественника», очаровавшими его современников, прочитанными всею грамотною Россиею того времени, довершил и утвердил знакомство русского образованного общества с Европою. Эта книга, которую теперь так скучно читать, — тем не менее великий факт в истории нашей литературы и в истории